

Введение

Не читать, не перечитывать и не обсуждать Маркса всегда будет ошибкой... Эта вина, состоящая в теоретической, политической и философской безответственности, будет постоянно возрастать.
Жак Деррида^{1*}

Неслышный раскат грома — так философ Жерар Гранель написал о «Капитале». Неслышный, вероятно, для современников. С тех пор рокот этого грома с каждым годом усиливался, и сегодня он просто оглушает.

Ушли времена, когда крикливая пресса с триумфом заявляла о смерти Маркса. Невольно своими криками она выражала одновременно и облегчение, связанное с уходом Маркса, и страх того, что он вернется. Это возвращение, которого так опасались, в наши дни наделало много шума. Продажи немецкого издания «Капитала» утроились за год. В Японии его манга-версия стала бестселлером. Жак Аттали превозносит Маркса как «монумент», предлагая — несколько несвоевременно — черпать вдохновение в «важной роли пенсионных фондов и американских финансовых рынков». Сам Ален Минк охотно провозглашает себя «последним французским марксистом» (*sic!*), предусмотрительно уточняя, что «последний» он лишь в «некоторых отношениях». Наконец, журнал Times прославляет Маркса как «грандиозный небоскреб, возвышающийся над всеми остальными в сплошном тумане». И даже на Уолл-стрит прошли манифестации с криками «Маркс был прав».

Это подозрительное оживление оправдывает боязнь, как бы *come-back*, возвращение причисленного к сонму святых и возведенного в Пантеон Маркса не свелось к журналистскому опошлению, способному сделать совершенно безобидным того, кто желал «посеять драконов». То есть, в целом, Маркса без коммунизма и без революции, академически корректного Маркса. Дань уважения, сколь обильная, столь и запоздалая, приносит добродетели — но, в большинстве случаев, по-

1 *Деррида Ж. Призраки Маркса. М.: Logos-altera, издательство «Ессе Номо», 2006, перевод Бориса Скуратова, с. 28. — *Примеч. перевод.*

роком. «Хотят ли они того, знают ли или нет, все люди на всей земле являются сегодня до некоторой степени наследниками Маркса»², — писал Жак Деррида в «Призраках Маркса». Фернан Бродель тоже говорил о том, в какой степени сам дух времени и его язык проникнуты идеями Маркса. В общем, в определенной степени эпоха «занимается марксизмом», сама о том не ведая.

Более того. В реальности современного мира капитализм совмещается со своим понятием. Он превращает в товар все — вещи, услуги, знания, живые организмы. Он доводит до предела приватизацию общего достояния человечества. Он развязывает конкуренцию всех против всех. В развитых странах 90% трудоспособного населения сегодня — это наемные работники. Все это способствует представлению нынешнего кризиса в качестве невиданного кризиса того, что Мишель Уссон называет «чистым капитализмом». Так в полной мере подтверждается заявление Деррида, сказавшего, что «без Маркса нет будущего», — по крайней мере, без памяти об определенном Марксе и без его наследия. Поскольку его актуальность — это актуальность самого капитала, его «критики политической экономии», которая делает его великим первооткрывателем иных возможных миров.

Эта книга не претендует на определение истинной мысли какого-то подлинного и непознанного Маркса, скрытого за подделками и густым слоем привнесённых идей. Ее цель — всего лишь предложить один из возможных способов использования, показав, как его радикальная критика, противящаяся всякой правоверности, любому теоретическому начётничеству, всегда готовая к собственной самокритике, собственному преобразованию или преодолению, питается вопросами, оставшимися открытыми, и нерешёнными противоречиями. Она представляет собой приглашение одновременно к открытию и к спору.

Будучи одновременно забавным введением в труды Маркса, памяткой, ящиком с инструментами, необходимыми для мышления и действия, она намерена поспособствовать — в канун великих потрясений и испытаний, которые неизвестно чем кончатся, — в деле заточки наших серпов и закалки наших молотов.

2 Там же., с. 133. — Примеч. перевод.

1. Как становятся бородачом — и коммунистом

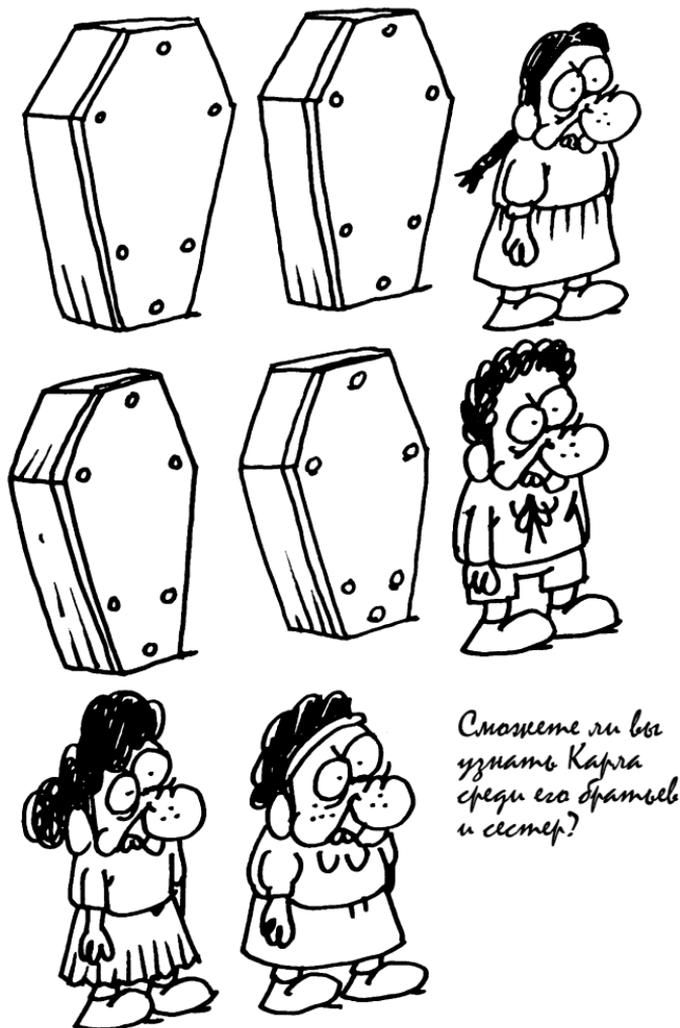
В тот же год, когда Мэри Шелли подарила миру своего доктора Франкенштейна, в семье Марксов, проживавших в доме 665 на Брюкенштрассе в Трире (Рейнланд), увидел свет крепкий младенец. У Марксов многие дети умирали в самом юном возрасте. Старший брат умирает в тот самый год, когда родился маленький Карл. Четыре других брата и сестры преждевременно уходят из жизни из-за туберкулеза. У него остается только одна старшая сестра и две младших. Позже из шести детей Карла и его жены Женни выживут только трое — Женни, Лаура и Элеанора — но две последние покончат с собой.

У молодого Маркса, как у короля Лира, трагическая судьба мужчины, окруженного женщинами. И девочками.

Семья Марксов через мать наследовала роду голландских евреев, бывших «раввинами из века в век», — к тому же роду принадлежал преуспевающий дядюшка Филипп. Маркс-папа — скорее, человек Просвещения, воспитанный на Вольтере, Руссо и Лессинге. Чтобы обойти запрет прусских властей, не позволявший евреям становиться государственными чиновниками, Хиршель Маркс, адвокат апелляционно-

Предупреждение: не все бородачи — Марксы

го суда Трира, вынужден обратиться в католицизм³, после чего его стали звать Генрихом Марксом.

С 1830 по 1835 г. в Рейнланде, сотрясаемом выступлениями за объединение Германии и за политические свободы, Карл учится (довольно средне) в трирской гимназии, временами проявляя себя в качестве версификатора, одаренного писательскими талантами. Осенью 1835 года, получив свой аттестат, он отправляется в Бонн, где намеревается записаться на юридический факультет. В сочинении того же года, представ-

3 По большинству данных, отец Маркса обратился в протестантизм (лютеранство). — Примеч. перевод.

ляющего собой размышления юноши при выборе профессии, он выражает стремление «действовать в интересах человечества», неуверенность, связанную с выбором карьеры, и понимание социальных условий этого выбора: «Но мы не всегда можем избрать ту профессию, к которой чувствуем призвание; наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться еще до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие»^{4*}.

Габитус — как же сложно от него освободиться!

Из блудного сына...

В Бонне Маркс, знатный выпивоха, посещает таверны и «Клуб поэтов». Его — человека необузданных страстей, заядлого спорщика, ведущего божественный образ жизни, — преследуют долги, он сражается на дуэли, несмотря на порицания отца, считавшего дуэль и философию вещами несовместимыми.

В 1836 году в возрасте 18 лет он уезжает из Бонна в Берлин. В ходе переписки отец обнаруживает у своего отпрыска «демоническую страсть». По письмам видно, как росло напряжение между ними. 10 ноября 1837 года Карл пишет: «Дорогой отец! Бывают в жизни моменты, которые являются как бы вехами, завершающими истекший период времени, но одновременно с определенностью указывают на новое направление жизни... Но поэзия могла и должна была быть только попутным занятием: я должен был изучать юриспруденцию и прежде всего почувствовал желание испытать свои силы в философии... При этих разнообразных занятиях немало было проведено в течение первого семестра бессонных ночей, немало было пережито битв... Завеса спала, моя святая святых была опустошена, необходимо было поместить туда новых богов... Оправившись, я сжег все стихи и наброски новелл».

Спустя месяц Маркс-отец отвечает: «Несобранность, беспорядочные блуждания по всем отраслям знания, смутные раздумья при свете коптилки, нечесанные волосы, одичание в шлафроке ученого взамен одичания за кружкой пива; угрюмое уединение вкупе с пренебрежением всеми приличиями и даже почтением к отцу... Ты доставил своим родителям много огорчений и мало или вовсе не доставил им радости». Сын-кутила тратит деньги на друзей, которые пользуются им. Отец оплакивает его расточительность: «Словно мы богачи...». Его возму-

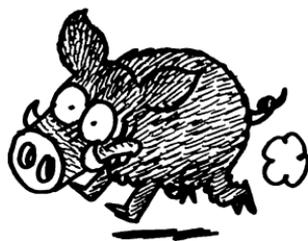
4 *Здесь и далее сочинения Маркса и Энгельса в большинстве случаев цитирую — по изданию: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. — *Примеч. перевод.*

щает беззаботность сына: «Но как может человек, чуть ли не каждую неделю или две изобретающий новые системы и вынужденный рвать прежние работы, на которые было затрачено много труда, — как может он, спрашиваю я, думать о мелочах?».

Генрих Маркс умрет пять месяцев спустя, 10 мая 1838 года, так и не помирившись с сыном.

Во время летних каникул молодой Маркс, которому едва исполнилось 18 лет, тайно обвенчался с Женни Вестфален, которая старше его на четыре года. В Трире семьи Маркс и Вестфален жили по соседству друг с другом. У детей общие игры, учеба, подростковые переживания. За Женни, «прекрасной принцессой», ухаживают многие выходцы из высшего общества, она — настоящая «королева бала». Но она предпочитает остановить свой выбор на этом чернявом и беспокойном подростке, которого зовет «моим диким кабанчиком». На Рождество 1836 года Карл посвящает ей три тома поэм, озаглавленных «Книга любви». Однако официальная свадьба состоится только через шесть лет, 19 июня 1843 года, в Крейцнахе. Молодожены за несколько недель растратят все приданное невесты.

Перед свадьбой Карл пишет своему корреспонденту Арнольду Руге: «Могу Вас уверить без тени романтики, что я по уши влюблен, и при этом — серьезнейшим образом. Я обручен уже более семи лет, и моя невеста выдержала из-за меня самую ожесточенную, почти подточившую ее здоровье борьбу, отчасти с ее пиетистски-аристократическими родственниками... отчасти с моей собственной семьей, где засело несколько попов и других моих врагов».

... в вундеркинда

В Берлине Карл начинает дружить с молодыми студентами, очарованными Гегелем, — последний ушел из жизни несколькими годами раньше, но его дух продолжает преследовать кружки интеллектуалов. Вместе они расшифровывают «алгебру революции», воодушевляются критикой религии, осуществленной Фейербахом, читают запоем Спинозу и Лейбница. Однако академические свободы сжимаются как шагрeneвая кожа под ударами прусской реакции. Перспективы университетской карьеры закрываются.

В апреле 1841 года Карл Маркс становится доктором философии, защитив в Йене диссертацию «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». Сравнение двух философов, по учению которых мир состоит из атомов, позволяет отдать предпочтение второму из них. «Необходимость, по Демокриту, является судьбой, и правом, и провидением, и созидательницей мира.» По Эпикуру же, «необходимость, которая вводится некоторыми в качестве верховной повелительницы, не существует, но одно случайно, другое зависит от нашего произвола», потому и «жить в необходимости вовсе не является необходимостью». Годы обучения всегда оставляют глубокие следы. Тем, кто считает Маркса вульгарным детерминистом, для которого все социальные явления вытекают из неумолимой экономической необходимости, следовало бы вспомнить об этом его философском учении.

При Фридрихе-Вильгельме IV Пруссия остается реакционным, ханжеским государством. Поскольку университетское будущее для многих оказывается недоступным, юные интеллектуалы-бунтовщики обращаются к прессе. 1 января 1842 года в Кельне выходит первый номер «Рейнской газеты» («Rheinische Zeitung»), ответственным редактором которой выступил Моисей Гесс. Молодой доктор Маркс, вернувшийся из Берлина, впервые проявляет себя в этой газете в качестве блестящего публициста, хотя ему еще только 23 года. Его первые статьи о свободе прессы оказываются сенсацией. В октябре он становится редактором газеты. Моисей Гесс описывает его, рисуя хвалебный и полный

пророчеств портрет: «Сей феномен произвел на меня огромное впечатление... Доктор Маркс (так зовут моего кумира) — еще совсем молодой человек, самое большое двадцати четырех лет. Религии и средневековой философии он нанесет смертельный удар. Глубочайшая философская серьезность соединяется в нем с крайней язвительностью. Представь себе Руссо, Лессинга, Гейне и Гегеля, слитых воедино в одной личности — и ты получишь доктора Маркса».

В январе 1843 года «Рейнская газета» закрывается цензурой. Маркс начинает строить планы отъезда из страны: «Противно быть под ярмом — даже во имя свободы; противно действовать булавочными уколами, вместо того чтобы драться дубинами. Мне надоели лицемерие, глупость, грубый произвол, мне надоело приспособляться, изворачиваться, покоряться, считаться с каждой мелочной придиркой... В Германии я не могу больше ничего предпринять. Здесь люди сами портятся». После вступления в официальный брак и лета, проведенного за критическим перечитыванием работ Гегеля, посвященным вопросам права и государства, в сентябре он удаляется в добровольное изгнание в Париж, в «старейшую высшую школу философии и столицу нового мира».

Трансформация

Период с октября 1843 по январь 1846 года, первый этап парижской жизни, стал для Маркса поводом сойтись с германской рабочей иммиграцией, а также с социалистическим французским движением. Устроившись вместе с Женни на улице Ванно, Карл начинает бурную деятельность в «столице нового мира», работая над проектом ежемесячного издания «Немецко-французский ежегодник». Названием подчеркивается желание связать германскую философскую традицию с революционной французской. Выйдет один-единственный номер журнала. Маркс опубликует в нем две статьи — о философии права Гегеля и о еврейском вопросе. Они отражают его движение от демократического либерализма к социализму, но пока еще не к коммунизму.

В 1842 году в Кельне молодой доктор Маркс пересекся с еще более юным сотрудником «Рейнской газеты», который был на три года его

младше и направлялся в Манчестер. Пока студент Маркс пил и дрался в Берлине, буйный, «вечно смеющийся» Энгельс умирал со скуки в Бремене на семейном предприятии, занимающимся импортом и экспортом, где он должен был учиться искусству коммерции. Энгельс-отец, энергичный предприниматель, придерживающийся строгих религиозных убеждений, основал в Манчестере, мировой столице текстиля, прядильную фабрику «Эрмен и Энгельс», совладельцем которой он был. Энгельс-сын, которому суждено было стать наследником, не имеет никакой склонности к такому занятию. Он предпочитает сочинять экзотические поэмы об охоте на львов и свободной жизни бедуинов, бездельничать, лежа в гамаке, курить крепкие сигары, обходить таверны и изрисовывать целые страницы шаржами и карикатурами. Он может пить, не пьянея, занимается фехтованием и верховой ездой, отпускает вызывающего вида усы. Хвалится тем, что не «покупал права философствовать дипломом». Одно воззвание он адресует «всем молодым людям в том возрасте, когда можно начинать носить усы, желая сказать им, что пришла наконец пора навести страх на всех буржуа». Будучи «изысканным поэтом и избранным пьяницей», он заявляет всем «древним, настоящим, присутствующим и тем, кто придет», что они — всего лишь «гнилые твари, разлагающиеся в ничтожестве собственного существования». Он пробует даже завязать испанский роман, пишет письмо Лоле Монтес, но это ему быстро наскучило.

С сентября 1841 по октябрь 1842 года Фридрих, который уже в двадцать лет объявил себя коммунистом, проходит военную службу в качестве добровольца в артиллерийской части. Отсюда берет начало его страсть к военному делу, которая принесет ему прозвище «Генерал». Вернувшись в Манчестер для продолжения своего коммерческого обучения, он вступает в связь с чартистским движением и, становясь первооткрывателем городской социологии и социологии труда, начинает исследовать положение рабочих. Встреча с Марксом в Париже, случившаяся, когда он возвращался обратно, оказалась своеобразным интеллектуальным ударом молнии. В результате многочасовых бесед в «Кафе де ля Режанс» они пришли к полному согласию. Вместе они начинают составлять небольшую брошюру «Святое семейство». Энгельс отправляется в Германию, а Маркс доводит брошюру до целой книги, девять десятых объема которой он и написал. После публикации Энгельс, написавший лишь одну небольшую главу — правда, решающую, — с удивлением обнаруживает свое имя на обложке.

В Рейнланде все кипит. Множатся коммунистические объединения и кружки. В мае 1845 года Энгельс публикует свою собственную книгу «Положение рабочего класса в Англии»: «Социальная война, война всех против всех провозглашена здесь открыто... и уже ничему не удивляешься, разве только тому, что в этом безумном круговороте всё до сих пор ещё не разлетелось прахом».

От утопического момента к коммунизму

В статье 1843 года «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» молодой Энгельс (ему всего лишь 20 лет) выражает

свое юношеское воодушевление коммунизмом, не лишенное, правда, некоторых иллюзий: «Во Франции насчитывается свыше полумиллиона коммунистов, не считая фуьеристов и других менее радикальных сторонников социального преобразования»⁵. Коммунизм для него — «необходимый вывод, неизбежно вытекающий из предпосылок, заложенных в общих условиях современной цивилизации». То есть логический коммунизм. «Новый коммунизм», порожденный революцией 1830 года, поскольку рабочие «обратились к истории великой революции и с жадностью ухватились за коммунизм Бабёфа», ставшего в 1795 году инициатором движения «Во имя равенства», выступившего против термидорианской реакции. «Вот и всё, что можно с уверенностью утверждать о происхождении современного коммунизма во Франции; эти вопросы обсуждались сперва в тёмных, густо населённых закоулках Сент-Антуанского предместья Парижа».

До 1848 года этот призрачный коммунизм, не имеющий точной программы, пропитывает собой настроение эпохи, оставаясь пока намеченным лишь «начерно» — в виде секты эгалитариев или икарыйских мечтаний Этьена Кабе, теоретика коммуитарной утопии, писавшего в 1840 годах. Зато в Германии коммунизм возникает вначале как философское направление. Начиная с августа 1842 года, «некоторые деятели партии» пришли к выводу, что одних политических изменений недостаточно, и заявили, что только при социальной революции, основанной на коллективной собственности, установится общественный строй, отвечающий их абстрактным принципам». Коммунизм в этом случае возникает как «столь необходимое следствие неогегельянской философии, что никакое противодействие не могло помешать его развитию». Представляется, что такой «философский коммунизм» (*sic!*) в Германии «можно считать навсегда утвердившимся». Но у этой родословной коммунизма есть одно парадоксальное последствие: молодой Фридрих сожалеет о том, что «мы можем пополнять наши ряды лишь из тех слоев, которые получили довольно хорошее образование, то есть из университетских и коммерческих кругов, представители которых не сталкивались с какими-то значительными затруднениями в своей жизни»^{7*}. Вот почему «у английских социалистов нам ещё нужно очень

5 *The New Moral World*, 4 ноября, 1843 г. Энгельс отличает здесь коммунистов от фуьеристов, замечая, что «в фуьеризме есть одна, и притом очень важная, непоследовательность: он не отменяет частной собственности».

6 Под «партией» Энгельс понимает тут не партийную организацию в современном смысле этого термина, а движение левых младогегельянцев, связанных с журналом «Немецкий ежегодник».

7 *Французский перевод расходится по смыслу с английским оригиналом: «We can recruit our ranks from those classes only which have enjoyed a pretty good

многому поучиться... английские социалисты нас намного опередили, и нам после них весьма мало осталось сделать в этой области»⁸.

В начале 1840-х годов молодой Маркс более сдержан по сравнению со своим младшим другом. С его точки зрения, коммунизм (Кабе, Де-зами, Вейтлинг) остается «догматической абстракцией» и «особым выражением гуманистического принципа». В письме Руге от 30 ноября 1842 года он пишет: «Я заявил, что считаю неуместным, даже безнравственным вводить контрабандой коммунистические и социалистические положения, то есть новое мировоззрение, в случайные театральные рецензии и пр.; я потребовал совершенно иного и более основательного обсуждения коммунизма, раз уж речь идет об его обсуждении». В новом письме Руге в мае 1843 он просит подумать еще, прежде чем выносить суждение: «Со своей стороны мы должны вывести весь старый мир на свет и положительно работать над формированием нового мира. Чем больше события, относящиеся к мыслящему человечеству, дают времени для осмысления, а события страдающего мира — для того, чтобы собраться, тем более завершенным будет творение, которому предстоит явить себя миру и которое носит в своей утробе наша эпоха». Именно контакт с парижским пролетариатом и встреча с Энгельсом осенью 1844 года ускорят его философскую и политическую линьку. А во время их совместного визита в Бельгию оформится наконец и смысл его политической деятельности.

Энгельс рассматривает полемический ответ Маркса Прудону, данный в работе 1847 года «Нищета философии», в качестве первой заметки программы: «Вы можете считать г-на Маркса главой нашей партии (то есть наиболее передовой части французской демократии), а его недавнюю книгу против Прудона — нашей программой». Так открывается путь к составлению «Манифеста Союза коммунистов», в который два соратника только что вступили: «Подумай над “Символом веры”. Я считаю, что лучше всего было бы отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь “Коммунистическим манифестом”...». Осталось только испытать теорию огнем практики. События не замедлят приступить к этой проверке.

education; that is, from the universities and from the commercial class; and in either we have not hitherto met with any considerable difficulty». Ср. русский перевод: «Мы можем пополнять наши ряды лишь из тех слоев, которые получили довольно хорошее образование, то есть из университетских и коммерческих кругов, и ни там, ни тут мы до сих пор не столкнулись с какими-либо значительными затруднениями» (Энгельс Ф. Успехи движения за социальное преобразование на континенте // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. С. 540–541). — *Примеч. перевод.*

8 Там же, с. 541.

Зарождающийся пролетариат «должен был броситься в объятия к доктринам его освобождения, к основателям социалистических сект», обратиться к путанным пророкам, «вещающим о гуманизме» «всеобщего тысячелетнего братства», представляющегося «воображаемым уничтожением классовых отношений», — пишут авторы «Манифеста». Однако «действительное движение», противопоставляющееся установленному порядку, стремится преодолеть свой утопический момент, чтобы сделать возможным практическое содержание. Оно рассеивает «сектантских шутов» и повергает осмеянию «оракулов научной непогрешимости». Чтение последней главы «Манифеста коммунистической партии», посвященной «социалистической и коммунистической литературе», показывает, что аналоги этих прошлых течений мысли, которые рассматривались авторами, можно найти в современных утопиях. Например, в таких, как «глубинная экология», обнаруживаются следы «феодального социализма», ностальгирующего по единению в общине, в которой смешиваются «отголоски прошлого и угрозы будущего». Ностальгический социализм, «одновременно реакционный и утопический», мечтает обратить вспять процесс общественного разделения труда, чтобы вернуться к ремесленническому миру независимых мелких производителей и семейного уюта. Некоторые крайние версии теории снижения экономического роста заигрывают с романтической ностальгией по естественному гармоничному порядку и по благоволящей нам матери-природе, претендуя на то, что они смогут авторитетно отделить истинные потребности от ложных, необходимое от избыточного. Мечта об «общей релокализации» производства, противопоставляемая горестям рыночной глобализации, также приходит к реакционному мифу первичной коммунитарной автаркии, который Наоми Кляйн называет «фетишизмом жизни как музея».

В современном жаргоне аутентичности (всего «био-» и «сырого») обнаруживаются актуальные формы «истинного социализма», который предпочитал «потребность в истине» «истинным потребностям». Сегодня, как и раньше, он намеревается разрешить классовые антагонизмы в «интересах человека вообще». Он мечтает о буржуазном обществе без классов и, если можно, без политики. Так же, как старый «истинный социализм» выражал мировоззрение немецкой мелкой буржуазии, новый выражает испуг новых средних классов, захваченных водоворотом рыночной глобализации. Поэтому мы видим, как снова дают о себе знать различные версии «буржуазного социализма», проповедуемые «гуманитарными филантропами», озабоченными тем, как бы «организовать благотворительность и защитить животных». Сегодняшние филантропы, как и те, что давным-давно были высмеяны

Марксом, хотели бы получить «современное общество без его опасностей, буржуазию без пролетариата», биржевые авантюры без безработицы, баснословные прибыли от инвестиций без увольнений и переноса производств. Сегодня, как и вчера, они хотели бы убедить обделенных в том, что богачи существуют для их же блага.

Наконец, в современных фантазмагориях мы находим все модернизированные разновидности бывшего «критически-утопического социализма». В отсутствие материальных условий и зрелых общественных сил, необходимых для освобождения, протокоммунизм 1830-х годов провозглашает «всеобщий аскетизм и грубую уравнильность». Не видя в зарождающемся пролетариате исторической творческой силы, он заменяет ее «социальной наукой и социальными законами», полученными в лаборатории: «Место общественной деятельности должна занять их личная изобретательская деятельность, место исторических условий освобождения — фантастические условия, место постепенно продвигающейся вперед организации пролетариата в класс — организация общества по придуманному ими рецепту». Они «отвергают поэтому всякое политическое действие» и «пытаются посредством мелких и, конечно, не удающихся опытов, силой примера проложить дорогу новому общественному евангелию».

И все же в эпоху «Манифеста» эти ребяческие утопии казались чем-то свежим и новым, поскольку стремились изменить мир. Их старческая, то есть современная, версия вполне соответствует нашей эпохе. Будучи скромной и минималистской, она довольствуется тем, что стремится сделать эту эпоху удобнее.

Вторжение призрака

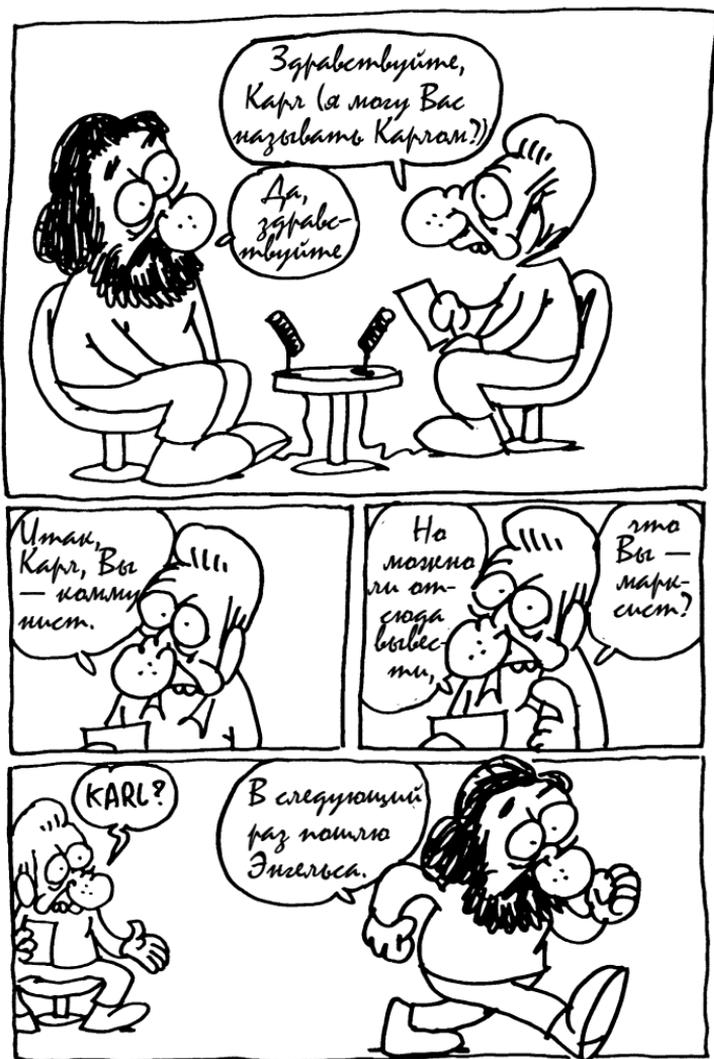
В январе 1845 года семью Маркс выдворяют из Парижа в Бельгию. Незадолго до этого у них родилась первая дочь, Женнихен. В Брюсселе семейный круг пополнился еще двумя новорожденными — Лаурой (будущей женой Поля Лафарга) и Эдгаром, прозванным «Мушем». Брюссель в те времена — проходной двор множества зарождающихся социалистических движений, что создает отличные условия для интернационального объединения. Весной 1848 года Маркс и Энгельс основывают там «Коммунистический корреспондентский комитет», главная цель которого «будет заключаться в том, чтобы установить связь между немецкими социалистами и социалистами французскими и английскими»: «Это тот шаг, который должно сделать общественное движение в его литературном выражении, чтобы освободиться от национальной ограниченности». В тот же период отцы-основатели заняты сведением счетов со спекулятивной немецкой философией. Резуль-

татом оказывается огромный манускрипт «Немецкой идеологии», который тотчас передается «острой критике мышинных зубов». Он будет опубликован лишь после их смерти.

В Брюсселе Маркс — молодой человек, которому скоро исполнится тридцать лет. Один из гостей описал его как «человека, полного энергии, с сильной волей и непоколебимыми убеждениями», у которого «густая грива, волосатые руки и несколько расхлябанный вид», а его манеры «идут вразрез с любыми общественными условностями, однако же выдают гордость с некоторым налетом презрительности». Его «резкий металлический» голос отлично подходит к его «радикальным суждениям о вещах и людях». В конце 1845 года он добровольно отказывается от своего прусского гражданства и становится апатридом.

С момента прибытия в Париж Маркс, отдавая дань уважения первопроходцам утопического социализма, постоянно высказывал желание преодолеть их доктринальную невнятицу: «Мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир. Но если конструирование будущего и провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времён не есть наше дело, то тем определённое мы знаем, что нам нужно совершить в настоящем, — я говорю о беспощадной критике всего существующего, беспощадной в двух смыслах: эта критика не страшится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властью предрешающими. В таком случае, мы выступим перед миром не как доктринёры с готовым новым принципом: тут истина, на колени перед ней! — Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов. Мы только показываем миру, за что собственно он борется».

Коммунизм, с которым он объединяется, — это не воображаемый Град, который строят по строгим планам, а «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние». В своих «Экономическо-философских рукописях 1844 года» он уже определяет коммунизм как «положительное выражение упразднения частной собственности». При этом он предостерегает от грубых и примитивных форм того коммунизма, который оказывается всего лишь «завершением нивелирования, исходящего из представления о некоем минимуме»; не упраздняет категорию рабочего, а довольствуется тем, что распространяет ее на всех людей; противопоставляет браку, «являющемуся, действительно, некоторой формой исключительной частной собственности», лишь «общность жен, где, следовательно, женщина становится общественной и всеобщей собственностью».

Весной 1847 года Маркс и Энгельс вступают в «Союз справедливых», в котором участвуют немецкие эмигранты. Конгресс «Союза» проходит 1 июня в Лондоне. На нем принимается решение изменить название на «Союз коммунистов». Девиз «Все люди — братья» меняют на «Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

Второй конгресс проходит в ноябре того же года в том же Лондоне. Марксу дается поручение составить вместе с Энгельсом манифест. В декабре он принимается за работу, которая, однако, не спорится. Лон-

донские руководители «Союза» начинают терять терпение. Когда в феврале 1848 года последние гранки «Манифеста коммунистической партии» уходят в печать, в Париже разгорается революция.

Призрак коммунизма начинает бродить по Европе.

Молодой безусый бретёр из Берлина становится бородатым молодцом — и коммунистом.

Избранная библиография

Bensaïd, Daniel. *Passion Marx. Les hiéroglyphes de la modernité*, Paris, Textuel, 2000.

Callinicos, Alex. *Les Idées révolutionnaires de Marx*, Paris, Syllepse, 2008.

Корню О. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность, пер. с нем., т. 1—3, М., 1959–1968.

Korsch, Karl. *Karl Marx*, Paris, Champ libre, 1971.

Maler, Henri. *L'Utopie selon Karl Marx*, Paris, L'Harmattan, 1994.

Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни. М., 1957.

Рязанов Д.Б. Маркс и Энгельс. М., 1923.

* Сеголен Руаяль – лидер французской Социалистической партии, участник президентской кампании 2007 г. – *Примеч. перевод.*

2. От чего умер бог?

Две статьи, опубликованные Марксом в Париже в 1844 году, — «К критике философии права Гегеля. Введение» и «К еврейскому вопросу» — не довольствуются объявлением смерти Бога, почитаемого религиями. Они ввязываются в борьбу против фетишей и идолов, которые его замещают, — Денег и Государства.

В «Сущности христианства» Фейербах показал не только то, что человек не является творением Бога, но и то, что он сам — его создатель. Он не только поддержал ту мысль, что «человек создаёт религию, религия же не создаёт человека». Он также, по утверждению Маркса, «доказал, что философия — не что иное, как религия, перенесенная и развитая в идее». Превратив «социальное отношение человека к человеку в фундаментальный принцип теории», он таким образом «основал истинный материализм». Поскольку человек — это не абстрактный человек, не «где-то вне мира ютящееся существо», а «человек мира», человек в обществе, который производит, обменивается, борется, любит. Это государство и это общество.

Опиум для народа

Как только мы допустим, что этот реальный человек — не творение всемогущего Бога, остается понять, откуда у него берется потребность придумывать для себя жизнь после жизни и воображать небеса, избавленные от земных тягот: «Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия — это вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть опиум для народа». И как опиум она одновременно отупляет и успокаивает.

Следовательно, критика религии не может, в отличие от масонского антиклерикализма и рационализма Просвещения, довольствоваться высмеиванием попа, муллы или раввина. Тот же подход к религиозному вопросу будет и у Энгельса после Парижской коммуны. «Проблему атеизма» он будет считать преодолённой, а некоторых парижских эмигрантов он будет упрекать в том, что они хотят «превратить людей в атеистов *par ordre du mufti*»⁹, вместо того, чтобы извлечь уроки из опыта — «что можно писать сколько угодно приказов на бумаге, ни-

9 *По приказу муфтия» (по-французски в тексте Энгельса «Эмигрантская литература»). — *Примеч. перевод.*

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)